

Заветная мечта писателя

Когда войдешь в книжный магазин, в глаза пестрит от многочисленных корешков и переплетов бесчисленных книг, аккуратно установленных на полках и разложенных на прилавках.

Над каждой книгой писателя приходится трудиться месяцами и годами. И строчки на страницах — это не трафарет, нанесенный на стелу малюгом. Нет, каждая строка — живой росток жизненного корня, связывающего писателя с народом.

Однаковых писателей не бывает, различные писатели, различные их творческие манеры. Дарование одних подобно кипищей воде, — оно всегда бурлит. У других талант напоминает легко застывающее масло, и, чтобы это масло позогреть, приходится затрачивать немало сил и времени. Творчество одних писателей, как хорошо обработанная плодородная земля, ежегодно дает обильный урожай. Другие же как бы роют иголки колодез, затрачивая долготелый труд на создание одного произведения. Есть писатели, которые кое-как, на скорую руку стряпают что-нибудь из первого попавшегося материала, — так голубы вьет себе гнездо. Другие, прежде чем что-либо написать, глубоко изучают жизненные события, вынашивают образы, как мать ребенка.

Но читатель, беря книгу в руки, редко думает об этом. Его меньше интересует, каким образом автор создал свое произведение; для него важно, какое произведение создал писатель. Читатель, тратя часть своего драгоценного времени, одну за другой переворачивает страницы книги, глотая строки, подобно блестящим ягодам с виноградной лозы. Если книга пришлась по вкусу, то читатель, увлекшись ею, забывает и обед и чай.

Но бывает и так, что читателя не только не заинтересует купленная им книга, а наоборот, она наводит на него сон, портит настроение; от нее во рту становится горько, как от горького ядрышка испорченного плода. Читатель морщится, сердито переворачивает страницы, в конце концов заглядывает книгу.

Зачем только потратил время на такую чепуху, — ворчит он.

Читатель, конечно, прав. Плохая книга у тысяч людей отнимает время, ничем не обогатив их. Напрасно тратятся государственные средства: такие книги в большинстве остаются непроданными, годами пылятся на полках магазинов и складов. Писатель пишет книги не для себя и не для родственников, не для того, чтобы украшать своими рукописями книжную полку в кабинете или делать подарки друзьям. В книге художник передает народу свой жизненный опыт, свои мысли и чувства. Писатель говорит читателю о чем-то, по его убеждению, важном и нужном. Он говорит читателю: вот, смотри, что есть в жизни, подумай над этим, прочувствуй это, пусть это поможет тебе работать, творить, любить, двигаться со всем народом в высших целях. Во имя такого, от сердца к сердцу, разговора с читателем и трудится настоящий писатель. Он — учитель и воспитатель.

Ответственность писателя перед народом громадна! Писателя гласит: «Ученым стать легко, трудно стать человеком». Читатель писателем, то есть владеть членским билетом Союза писателей, но так-то уж трудно, но стать настоящим писателем — учителем и воспитателем — это дело не простое.

Плохо, когда только числится писателем. И чем напрасно мучить себя самого, весь век оставаясь никемным, бесполезным для народа писателем, не радуя, не обогащая читателя, — не лучше ли подыскать себе другую профессию? Но сожалению, еще немало таких литераторов, которые не способны понять, а чаще не хотят понять эту горькую для них правду.

Это происходит потому, что, разобравшись в делах литературных, мы не всегда еще меряем их единственно верной мерой. Общественный долг писателя, ответственность перед народом — вот критерий! И тогда, о чем бы мы ни говорили — об идейном богатстве или жанровом разнообразии, о художественном мастерстве или поведении, моральном облике писателя, — обо всем мы будем судить с высокой позицией, понимая, что писатель — народа водитель и народа слуга.

Тупым оружием невозможно сделать являющую вещь. Чем острее и богаче язык писателя, тем вернее, нагляднее и убедительнее написанное. Писатель без ключа открывает сердце читателя.

На одном квадратном метре узорного ковра — приблизительно миллион узелков. Если хоть один из них будет плохо завязан, он будет раздражать глаз, подобно взрослому среди посева яндуку — верблюжьей колючке. Писатель должен быть мастером своего ремесла: каждая его буква подобна узелку ковра. Если он небрежно составит предложение или неуместно употребит хотя бы одно слово, его произведение заставит читателя нахмуриться, читатель будет спотыкаться так, словно идет по пахоте.

Давно известно: гораздо труднее повелевать одним словом, чем тысячами людей. Хуже всего, когда писатель не владеет самим собой (я это знаю по своему опыту), — талант притупляется, подобно железному, неслезному поху, вдохновение, подобно смятой, брошенной без внимания пружине, путается, появляется невнимательность, лень, а в результате летучая мысль равнодушна и инертна; одна за другой перегрызает считанные нити жизни, — писатель месяцами, а то и годами не может ничего создать.

Для того, чтобы талант рос, язык развивался и совершенствовался, чтобы честно выполнять писательский долг, необходимо трудиться без устали, беспрерывно. Подобно тому, как «не посеешь — не заседеешь», так, если не будешь усердно работать, не будешь утруждать себя, не появятся и вдохновение. Ведь вдохновение, как вольная птица: сама никогда в руки не дается, надо ее поймать. Не трать попусту времени, успевая работать — и вдохновение осенит тебя.

Но недостаточно только усердно сидеть за столом. Прежде чем взяться за перо, необходимо изучить события, которые ты хочешь описать, знать людей, увидеть, представить себе их со всеми их противоречиями, во всей их силе и красоте, немощи или уродствах.

Создавая ковер, ковровница не только руководствуется каким-либо образом, но опирается на свой опыт. Писатель же в сложном процессе творчества опирается, конечно, на опыт предшественников и товарищей, однако механически заимствовать образцы он не должен. Писатель не одиночка. Он в составе мощной армии советской литературы, в тесном содружестве и взаимодействии со своими товарищами-писателями сражается за общие цели. По конкретную боевую задачу он каждый раз ставит себе сам. И вооружен он своим умом, своим умением и талантом, своим знанием жизни и человека. Поставленную им себе задачу писатель всегда и во всех случаях сможет решить лишь при условии, что все обстоятельства жизни, которые он хочет описать, им изучены, поняты, осмыслены, как бы покорены его образным видением, его талантом, стали ему подвластны.

Здесь я хочу привести пример из опыта своей писательской работы. Несколько лет назад, пробыв в нефтяных районах нашей республики только один месяц, я написал «Туркменскую поэму». Ворона ласково называет своего вороненка: «Ах ты, мой беленький!». Так и мне, особенно сначала, моя поэма нравилась. Некоторые критики и читатели тоже дали ей хорошую оценку, назвав ее «производственной поэмой». Ее читали еще и теперь. Но самому мне сейчас ясно, что в этом произведении очень мало жизни, много пересказа, слаб канфликт. Причина этих недостатков в том, что я не изучил как следует обстановку, жизнь, людей, писал поспешно.

Самая тема, которой посвящена «Туркменская поэма», не была для меня случайной. Двадцать пять лет назад я впервые был в Баку и на электростанции поехал в Сураханы. Меня поразили торжественные походы вышки, беспрерывно гланявшие сачками, переплетенные между собой трубы, громадные резервуары. И несколько перед моими глазами возникли западные районы моей республики, в то время еще засаженные песком и пылью. «Судя по словам ученых, в наших краях тоже много нефти, — думал я. — Вот, если бы я в Туркменистан привез такие вышки, которые оживляют мертвые пустыни! Ведь это мечта народа!»

В советскую эпоху желание народа священо. Много ли времени прошло с тех пор?.. Около года уже я живу в Небит-Даре. В пору моего детства кому в голову пришла бы мысль, что в глухой, заброшенной пустыне, где никто не слышал и слова «кирпич», будет воздвигнут такой прекрасный каменный город? И когда я теперь посещаю Вышку, Кум-Даг, Челекен, я неизменно вспоминаю, как впервые был в Сураханах.

И пишу роман из жизни туркменских нефтяников и целые дни провожу на промыслах, на буровых вышках, беседе с рабочими и специалистами.

Нефтяная промышленность резко отличается от сельского хозяйства, в обстановке которого я родился и вырос. Здесь для меня с самого начала и до конца все ново. Для меня новы и город, и промыслы, и рабочие-нефтяники, и интеллигенция. Вчерашний рыбак — сегодня буровой мастер, вчерашний скотовод — сегодня геолог, вчерашний крестьянин — сегодня инженер. Здесь быстро и резко меняются быт, характер, поведение, взаимоотношения людей. Жилые рабочие теперь — не дымная и пыльная кибитка, а удобная светлая квартира. Нефтяники забыли, что такое вода и зольа; их обслуживает невидимый работник — газ.

Здесь все живут мыслями о богатствах, таищихся под землей, на километровой глубине. Поэтому здесь в почете глубокие знания специалистов, решительность и опыт буровальщиков, особое чувство ответственности. Авария скважины — это не поломка бычьего ярма, и пожар на нефтепромысле — не костер чабана, внезапно раздутый порывом ветра и зашлепавший искрами конюху. Здесь, на промыслах, создаются новые характеры, новые взаимоотношения.

Очень трудное дело — изучение жизни рабочих, новых людских отношений, порожденных громадной и сложной промышленностью, созданной и создаваемой в пустыне могучей волей партии с братской помощью великого русского народа. Отбрасывать эти перемены в судьбе народа — задача столько же почетная, сколько и сложная.

Для того, чтобы привлечь внимание читателя к событиям исторической важности, надо найти конфликт, и глубокий и простой в одно и то же время. Надо уметь прикоснуться не только к геологической структуре земли, а, самое главное, в тончайшие душевные переживания человека. Поэтому я и решил жить в Небит-Даре, среди нефтяников, до тех пор, пока не окончу роман. Думаю, что это пойдет на пользу книге, которую пишу.

Мои читатели, в особенности герои будущего романа — нефтяники, торопят: — Ну, как? Скоро закончите книгу? Как бы ни торопился ребенок поаковать ягоды туюника песенет в свое время. И хорошо, если эти ягоды будут вкусными, сладкими. А что, если будут горькими?.. Суд читателя не знает пощады. И автор не имеет права попусту тратить золотое время — свое и читателя.

Нелегко нефтяникам достать из-под земли потаенные сокровища. Но и писателю не легче создать книгу. Не легче, а труднее. И, может быть, чем труднее, тем лучше.

Дело не в том, чтобы взять перо в руки и мало ли, много ли потратить времени на писание. А вот когда твоя книга стала на книжной полке нашего требовательного читателя почетным гостем, когда он общается к тебе, как к доброму другу и советнику, — тогда исполняется жеветная мечта писателя. Осуществление же мечты зависит от него самого, от его неустанного творческого труда, от ясного понимания, во имя чего он трудится, от того, насколько писатель ощущает свою ответственность перед читателем, перед народом.

Берды КЕРБАБАЕВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 126 (3471)

Суббота, 22 октября 1955 г.

Цена 40 коп.

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ

К столетию юбилея дня рождения И. В. Мичурина

Страницы вальса, возникшие где-то в сумрачных просторах океана, тяжело катятся ряд за рядом к крутому берегу, с грохотом разбиваются о скалы, распыляя по камням белую пену. Пустынный берег утробно смотрит на пронылающие мимо ледяные поля. Над льдиной показались ледническая голова моржа. Спустился немного, сторожко оглядываясь по сторонам, появилась и умка — белый медведь...

Вот, кажется, и готово начало очерка. Ведь так примерно начинается почти любой кинематографический кадр, любой очерк и даже многие книги о советском Дальнем Востоке. Бывает и несколько иначе: птичий базар, дремучая тайга или Амур — тоже свиной, тоже утробный, с пустынными берегами, с рунным ходом кеты: вотки висло, и поплывет стоймя.

Так, в погоне за экзотикой, в течение многих лет создавался какой-то условный образ сурового, безлюдного края, далекого и холодного, где трудно и неутожно жить. А ведь это совсем не так! У Дальнего Востока, простирающегося от Тихоокеанскому побережью до Берингова пролива до Кореи, так же как у земель, раскинувшихся от Колынского полуострова до Брима, есть свой север и свой юг; юг этот, в сущности, мало чем уступает Черноморскому побережью.

Вольно хотя бы Уссурийский лесной край, как принято называть районы, лежащие между Хабаровском и Владивостоком. Благополучная, чудесная земля! Стада козлят свободно пасутся по рощам, забредая иногда на колхозные поля и там иной раз ненароком оббегают капустную рассаду, но и сами становятся нередко добычей охотника или жертвой грозного уссурийского тигра. Такие редкие деревья, как маньчжурский орех, тис, амурский бархат, встречаются тут с белой березой, кедром и елью, за ветви которых цепляются лозы амурского винограда, актиниды, лимонника. Здесь сохранились в значительном количестве записи «корня жизни» — женьшеня. Холодным дышанием севера противопоставит животворное тепло океана. Вот почему в водах, наряду с северной рыбой хариусом, водится южный змегалов, а в плавнях озера Ханка нарственно расцветает тропическая нелиумбия.

Дальний Восток — это земля разительных контрастов, земля садов и тундр, современных городов и развитого социалистического земледелия. В одном очерке, разумеется, невозможно дать всеобъемлющую картину этого обширного края. Автор и не ставил перед собой такую задачу. Она много скромней.

Таким, как сейчас, Дальний Восток стал не сразу. В советское время освоение края пошло быстрее. На месте первых поселенческих осл поднялись города с мощными первоклассными заводами, научно-исследовательскими учреждениями, театрами, клубами; по склонам древних оврагов зазеленели молодые сады. На тучной земле, обогриваемой с апреля по октябрь щедрым, горячим солнцем, растет все или почти все, что растет в Советской стране: пшеница и овес, рис и соя, капуста и помидоры, дыни и арбузы, яблоны и груши, абрикосы и культурный виноград. Свежая не уступает украинской, а кукуруза вымывает до трех-четырех метров, давая завидных размеров зрелые початки.

Недавно мне довелось побывать в молодом поселенческом колхозе имени Н. С. Хрущева на Амуре. Звездиной кукурузоводческой бригады Моисей Михайлович Башмак, человек пожелтой и бызвалый, с гордостью показывал выращенную им кукурузу, отдельные экземпляры которой превышали два человеческих роста:

— Такой я не бачив и на Кивендине. А какую: Дальний Восток. Вня до крестьянского сердца тебе близкий...

Слушая тихие, неторопливые речи поселенца, оглядываясь белеющие на берегу стремительной прозрачной Бире уютные хатки, я думал о том благородном научном подвиге, который совершил уссурийский натуралист, освоивший эти привольные места.

Развитие амурского земледелия неразрывно связано с именем Ивана Владимировича Мичурина. Ему не удалось посетить эти места, но он превосходно знал край по литературе, по переписке с людьми, по полученным от местных садоводов-любителей плодам и ягодам. Не кто иной, как Мичурин, организовал уже в советское время несколько научных экспедиций на Дальний Восток, обогатив науку многими ценными находками и описаниями. Мичурин ввел в культуру актинидию, известную здесь под названием «кишмиш», а дикую уссурийскую грушу скрестил с крупноплодным сортом бере-роля, получив великолепный столовый сорт бере-зимняя Мичурина.

В начале тридцатых годов он выступил с открытым письмом в защиту известного дальневосточного садовода-оригинала А. Лукашова, гонимого в то время бюрократией от науки.

«Не падайте духом в Ваших неудачах в борьбе с суровыми климатическими невзгодами», — писал он крутому местному садоводу — П. Шуратову.

В своих печатных трудах Иван Владимирович неоднократно обращался мыслями к Дальнему Востоку, живую связь с которым не терял буквально до последних дней жизни.

Великое не умирает. Учение Мичурина живо, оно пустило глубокие корни в родную землю. Живое дышание мичуринских идей чувствуется всюду. Оно и в багряце зобовидных осенних садов Алтая, и в замечательном опыте Терентия Мальцева, и в работах экспериментальной базы ВАСХНИЛ под Москвой, и в богатых урожаках Приамурья.

Миллионы пошли за Мичуриним: для миллионов людей имя это стало знаменем борьбы за преобразование природы, символом творчества и горячей неугасимой любви к родной земле. Немало писателей, как Мичурин, несмотря на тяжелые условия жизни при царизме, отказавшись ехать в Америку, меньше занято другим фактом. Мичурин, как известно, среди многих забот находил время и для занятий цветоводством. Он вывел новый вид декоративного растения — фиалочку лилию.

За монополю владения этим феноменом одна из всемирно известных цветоческих фирм Голландии предложила миллион гульденов. Со смехом рассказав об этом случае приехавшему к нему А. Лукашову, Иван Владимирович заключил:

— Конечно, не уступил. А вам, дальневосточникам, отдам с радостью...

Это эпизод, но в нем отразился весь облик уссурийского, неподкупного ни в жизни, ни в своих принципиальных воззрениях. Будучи убежденным материалистом в самом глубоком и благородном значении этого слова, Мичурин всю долгую жизнь боролся с различными рода отравляющими от практик спекулятивными теориями, с догматизмом, ставя превыше всего живую связь науки с сельскохозяйственным производством.

«...В деле использования моих методов нужно постоянно смотреть вперед, безоговорочно применение их может превратить их в догму, а вас, мичуринцев, в простых копистов и компилиаторов», — писал великий ученый. — Не простая переписка моей «зеленой книги», а подолжение ее, дальнейшее ее развитие — вот что требуется нам».

Мудрый этот совет, звучащий как страстный призыв, обращенный к новым и новым поколениям, нашел горячий отклик в сердцах мичуринцев — современников на-

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- Добро пожаловать! Премьер-министр Бирмы У Ну в СССР (1 стр.). Берды Кербабаев. — Заветная мечта писателя (1 стр.). Р. Агишев. — Живое дышание (1 стр.). Л. Волынский. — На пороге жизни (2 стр.). Е. Полякова. — Традиции и современность (2 стр.). В. Лукашечин. — Реализм образа (3 стр.). ФЕЛЬТОН. Н. Ильина. — «Наставление» для очеркиста (3 стр.). ИЗ ШВЕЙЦАРСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ. Ольга Четчикова. — Вечер в Лозанне (4 стр.). М. Виленский. — Инсценировка полковника Маккензи (4 стр.).

как и многие других энтузиастов-мичуринцев в крае, не встречает должной поддержки со стороны руководящих организаций. Поэтому и прошла тень по лицу Николая Фроловича, потому и сказал он свое горькое «не то». Заведующий отделом городского благоустройства А. Штейн совершенно равнодушен к делам садоводов. Он говорит:

— Город надо озеленять. Для этого есть всякие деревья, как клен, амурский бархат, ябля. А сады — это личная забота.

Дальневосточники неужели так «нажились» на своем саде, что для прозорливца большой своей семьи (у Николая Фроловича и его супруги Елены Григорьевны восемь детей) вынужден был поступить на вторую работу по совместительству в городскую пожарную команду и трудится сейчас в булавочном смысле слова от зари до зари.

Недавно Хабаровский крайстолком вынес решение о посадке плодово-ягодных насаждений, в котором впервые за долгие годы отмечает, что многие колхозы, совхозы, подсобные хозяйства, имеющие сады, в этом году сняли богатый урожай яблок, груш, слив и ягод, что садоводство в крае с каждым годом приобретает все большее народнохозяйственное значение, становится важной отраслью сельскохозяйственного производства.

Хорошие слова. Будем надеяться, что за ними последуют хорошие дела — конкретная помощь садоводам.

...Очерк я начал с того, что пора переосмотреть представление о Дальнем Востоке, пора раскрыть его в литературе и искусстве во всей полноте. Здесь богатейшая, разнообразная природа, чудесные, мужественные люди, здесь многое уже сделано, очень многое делается и еще больше предстоит сделать. Тут огромный простор для творческого размаха, для патристических дел. Здесь очень нужны люди, смелые, творческие, ищущие.

Сегодня среди лучших людей Дальнего Востока вам обязательно назовут мичуринцев края. Вам расскажут, как благодаря творческому, а не догматическому следованию заветам Мичурина старейший ученый Дальнего Востока, лауреат Сталинской премии Всеволод Золотницкий привнес на север такую заветную южную культуру, как соя; посевои сои добирают теперь сотни тысяч гектаров дальневосточных, сибирских и среднеазиатских полей. Вам расскажут, как благодаря упорному труду известных мичуринцев Антона Граммига и Николая Тихонова дальневосточные сады обогатились лозами культурного винограда «альфа», «таежный взмугд», «насли-рамминга» и других. Вам расскажут об отличных сортах томатов и огурцов, которые дала старшая научная сотрудница Хабаровского института земледелия и животноводства, заслуженный агроном РСФСР Евфросинья Гамаюнова. И в каждом районе нашего большого края вам назовут имена десятков и сотен людей-садоводов и колхозных опытников, работающих рука об руку с учеными. Это они, простые советские люди, практически осуществляют идеи великого преобразователя природы.

Безотступно со дня рождения великого строителя коммунизма Ивана Владимировича Мичурина дальневосточники приоткрыли прекрасный памятник из множества живых плодоносящих деревьев. Они стоят по склонам сопок, торжественные и тихие в своем золотисто-багряном уборе, особенно нарядно под ярким октябрьским дальневосточным солнцем. Кружатся в воздухе золотая осенняя метель. И устланы подножия памятника желтые листья.

ХАБАРОВСК

Р. АГИШЕВ

Добро пожаловать!

Премьер-министр Бирмы У Ну в СССР

Позаванке на голове, серой куртке и «лонд-жиз» из клетчатой материи, свободно спускающейся почти до полу, он легко, энергично шагнул по лестницам Средне-Азиатского университета, по фойе театра имени Алишера Навои, по колхозным полям, где сейчас в разгаре уборка хлопчатника...

В университете г-н У Ну произнес краткую приветственную речь, перевести которую попросил сопровождавшего его посла Бирмы в СССР У Монт Она. Посол смущенно сказал, что он еще не достаточно хорошо знает русский язык. Но премьер-министр со смехом настоял, и тому пришлось, поминутно обращаясь за помощью к присутствующим, начать перевод... Установилась атмосфера непринужденности и простоты, которую, как говорят, премьер-министр Бирмы всегда умеет создать вокруг себя.

В здании Государственного академического театра оперы и балета имени Алишера Навои к приезду гостей как раз начиналась репетиция. Предполагалось, что премьер-министр задержится здесь совсем недолго. Гости обошли чудесное здание, где в орнаментах и отделке фойе отражено все лучшее, что создано за века народными зодчими Ферганы, Хивы, Хорезма, Бухары. Свод зрительного зала представлял собой как бы щедро расшитую золотом и жемчугом узбекскую тюбетейку. Премьер-министр с похвалой отзывался об архитектуре здания, а затем выразил желание посмотреть репетицию.

Репетиция сцены из оперы «Тарихи Зухра» в заглавных ролях были заняты недавние выпускники консерватории Саадат Кабулова и Асад Азимов. Сцены, проведенные с большим мастерством и подъемом, лучше всяких слов говорили об успехах узбекского теат-

В ЧЕРА в Москву прибыл премьер-министр Бирманского Союза У Ну.

На Центральном аэродроме У Ну встречали руководители партии и правительства, многочисленные представители трудящихся Москвы.

...В три часа дня самолет приземлился. Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин сердечно здоровается с У Ну.

Премьер-министр Бирмы выступил перед микрофоном с заявлением, которое заключил словами: «Да здравствует мир во всем мире».

Уже стемнело, когда автомобиль премьер-министра и сопровождающих его лиц появились в узких переулках старой части Ташкента. Недалеко от мечети здесь находится духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. Премьер-министр прошел через кварталный внутренний дворик в помещение, где его уже ждали представители управления. Состоялся продолжительная беседа. Премьер-министр сказал, в частности, что он религиозный человек, исповедующий буддизм; однако он сторонник религиозной терпимости и поэтому распорядился перевести коран на бирманский язык, содействует строительству мечетей и помогает мусульманам, совершающим паломничество в Мекку.

...Ванним утром 21 октября Ташкент проводил главу правительства Бирманского Союза в Москву.

Г. КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ТАШКЕНТ—МОСКВА, 21 октября.

ПУТЯМИ ПРАВДЫ

Общий вывод из состоявшегося 20 октября в СП СССР обсуждения туркменской поэзии и можно сформулировать так: поэзия должна стать ближе к действительности. Успехи туркменских поэтов — там, где в художественной форме выражено реальное жизненное содержание; слабости — там, где слаба связь поэта с современной действительностью, где вездешная риторика подменяет правдивое изображение героических трудовых будней, а бесчисленные образы женщин («красавицы») и мужчин («богатыри») вытесняют конкретные, живые характеры, с тонко и глубоко разработанной психологией.

В чем принципиальная удача таких произведений, как, например, стихотворная повесть Чары Аширова «Юнец кровавого водораздела»? П. Антокольский подчеркнул в своем выступлении реалистический характер произведения Ч. Аширова. Мнение это было поддержано и другими поэтами. Требуя реализма, правды жизни, ушло почти в каждом выступлении, в анализе каждого из обсуждаемых поэтических сборников. О стихах А. Атаджанова говорил М. Петровых, П. Железнов, К. Ваншинин; об А. Ковусове — Н. Сидоренко, М. Соболев; о творчестве Т. Эсеновой — А. Макаров, Л. Бать. Требования реализма предъявляются поэтам Туркмении еще не всегда. Т. Эсенова, например, гораздо больше внимания уделяет готовым результатам борьбы, а не изображению самого живого процесса, реальных трудностей и побед в жизни. Отсюда создается ощущение некоторой навязчивости, излишней «праздничности». Реальное и доминирующее уживается подчас у Эсеновой в одном стихотворении.

Почти у всех туркменских поэтов есть образ девушки, героини труда, работающей на хлопковом поле. Труд этот сложен и нелегок, об этом так и надо писать. А ведь у многих туркменских поэтов вместе с хорошиями, жизненно правдивыми образами есть герой — в том числе и «обязательная» девушка-хлопковик, — отмеченные налетом некоторой парадности.

«Всеи нашей поэзии свойственна была праздничность», — сказал М. Тихонов. «Была и будет, потому что в жизни нашей есть и многочисленные радости и праздники. Речь идет не о том, чтобы в поэзии не выражалось чувство радости жизни, а о том, чтобы жизнь, труд советских людей изображался верно, правдиво. Я думаю, что для поэта гораздо интереснее тогда, когда он борется за победу, чем тогда, когда он уже победил».

Выступление Н. Тихонова было выслушано с большим интересом. Поэт рассказал, с каким вниманием следят за развитием многонациональной советской литературы, в том числе и туркменской поэзии, друзья за рубежом нашей Родины; он подробно проанализировал стихи Кара Сейтязева, коснулся вопросов художественного перевода. Правильно, говорит М. Тихонов, когда один из русских поэтов-переводчиков переводит стихи одного из поэтов другой национальности. Тогда переводчик является в оригинал, тогда лучше сохраняется индивидуальное и национальное своеобразие оригинала. А в туркменской поэзии, как и в поэзии любого братского народа, нам, русским читателям, очень важен национальный, именно туркменский, акцент, национальное своеобразие художественной формы. И нужно стараться его сохранить, а не просто излагать смысл того, что переводится.

Обсуждая качество переводов, возможность и необходимость сохранения национального колорита подлинников (в этой связи общую похвалу заслужили переводы А. Тарковского), москвичи и туркменские поэты неизбежно должны затронуть очень важные проблемы, мало еще разработанные нашим литературоведением. Это — проблема своеобразие поэтической

индивидуальности и проблема национальной формы, живых и мертвых традиций. Первой из названных проблем посвящает свое выступление М. Светлов. А Атаджанов, говорит он, — поэт талантливый и оригинальный, так сказать, поэт «божественной милостью». Но где-то на пути к «богу» он остановился. А надо не бояться, что устанешь, надо идти дальше и совершенствоваться. В сборнике «Юнец-Тар» есть стихи нескольких русских поэтов, живущих в Туркмении. Авторы разные, а кажется, что стихи написаны кем-то одним. Встречаются и свои, самобытные строки, но отдельные строки никогда не делают стихотворения.

О национальной форме, о традициях, о некритическом переносе старых элементов восточной поэтики в произведения современного содержания говорил Л. Озеров. В традициях классической туркменской поэзии есть много такого, что живет и сейчас. Л. Озеров считает, что современные туркменские поэты недостаточно используют опыт высокой философской иридии, опыт сатиры прошлого. В национальной форме есть застоявшаяся лава, эмблематика, которая уже не действует сегодня на читателя. Но есть лава живая, кипящая. Борьба за национальное своеобразие есть и борьба за поэтическое индивидуальность.

На неразработанность проблемы влияния русской поэзии на поэзию других народов указал в своем выступлении Р. Алиев. Он возражал против упрощенного толкования этой проблемы. Некоторые наши критики, заявил он, рассуждают очень просто — раз Малковский писал патристические стихи, то все, кто пишет такие стихи, испытывают на себе влияние Малковского.

Обсуждение туркменской поэзии прошло живо. Это был требовательный разговор товарищей по работе. Гости из Туркмении приняли активное участие в спорах. Кроме докладчика Н. Сейтязева, с анализом конкретных произведений и со своими соображениями по общим вопросам выступили Р. Алиев, Ш. Болджанов, А. Атаджанов. Всего в прениях выступило более 20 человек, в том числе Ю. Гордиенко, В. Луговской, А. Лейтес, Н. Панов и другие. Итоги обсуждения подвел председательствующий Е. Долматовский.

Из произведений русских писателей, живущих в Туркмении, обсуждались сборники рассказов и очерков А. Аборского «Сур» и П. Карпова «Встреча». С анализом этих сборников выступили Н. Муриди, П. Скосырев, П. Шебунин и другие. Председательствовал Б. Галин.

Вчера состоялось обсуждение произведений туркменских литераторов, пишущих для детей. Выступившие товарищи говорили о достоинствах и недостатках туркменской детской литературы в целом, высказали свое мнение о «Стихах для детей» К. Курбаннесова, поэме «Джере» А. Мергенова, о сборнике стихов «Бла в пустаине» А. Ковусова и сборниках рассказов «У границы» Б. Кербабая и «Кей-джек» К. Курбансаханова, о рассказе П. Карпова «Бла». Выступили Б. Емельянов, Я. Тайч, А. Алескин, А. Перфильев, С. Баруздин и др. В прениях участвовали также туркменские писатели — Б. Сейтанов, Б. Кербабая, А. Ковусов.

Председательствовавший С. Михалков отметил, что детская литература Туркмении уже достигла беспорочных успехов, но книг для детей создано все-таки мало, тематика некоторых из них недостаточно широка. Есть произведения, которые хорошо раскрывают детскую психологию, мир ребенка, но есть и другие, написанные не для детей, а просто о детях.

Участники обсуждения выразили уверенность в том, что туркменская детская литература займет видное место во всеобщей детской литературе.

Сцена из 2-го действия «Ревизора» в постановке Туркменского драматического театра имени И. В. Сталина. Хлестаков — народный артист ТССР, лауреат Сталинской премии А. Кариев (слева) и городничий — народный артист СССР, лауреат Сталинской премии А. Кульмамедов. Фото В. Пушнина.

Конференция читателей Выборгской стороны

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Читатели заводских библиотек Калининского и Сталинского районов собрались 19 октября в Выборгском доме культуры на читательскую конференцию, организованную библиотекой Дома и редакцией «Литературной газеты». Тема конференции — «Рабочий класс в современной художественной литературе» — привлекла около шестистот человек. Обсуждались «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, «Искатели» Д. Гранина, «Журбин» В. Кочетова, «Дальняя дорога» Е. Катерли, «Поток» А. Пантелеева, «Заключенная сталь» В. Попова, «После войны» И. Уксусова.

Накануне конференции группа писателей побывала на предприятиях, беседовала с читателями. В обеденные перерывы и вечерами в библиотеках заводов имени Сталина, имени Свердлова, имени Карла Маркса, «Красный выборжек», «Русский дизель», «Светлана», «Красный маяк» разгорались горячие споры о литературных героях, о проблемах и конфликтах заводской жизни, изображенных и не изображенных писателями. Отзывы читателей записывались, собирались, публиковались в газете и передавались по радио вместе с отзывами из книг, а в день конференции сгенезисы, альбомы, фотографии и стелды заполнили спорное фойе Выборгского концертного зала.

Открыл конференцию заместитель главного редактора «Литературной газеты» В. Озеров. В прениях выступили инженер-экономист завода имени Сталина Н. Шлякунов, токарь завода «Красный выборжек» В. Гутенко, техник завода имени Карла Маркса Б. Мухамедов, слесарь завода «Светлана» К. Быстров, инженер завода имени Сталина В. Кочан, домохозяйка Е. Четверикова, старший инженер-производственник В. Люба и другие.

Все выступления сходились на одном — писатели должны изображать нашу будни, жизнь рабочего класса со всей психологической глубиной и сложностью; пусть исчезнут в книгах, как выразился один из выступивших, последние капли «литературной вальтерки». До позднего вечера продолжался этот заинтересованный, требовательный разговор о литературном образе героя наших дней — человека труда, о том, как помогает литература своему многочисленному читателю преодолевать реальные сложности и конфликты жизни.

Перед читателями выступили писатели А. Пантелеев, Д. Гранин, И. Уксусов, В. Попов. Тепло принял зал стихи, прочитанные С. Смариновым и О. Берггольц.

Подробный отчет о конференции будет опубликован в нашей газете.

Мичуринские дни в СССР

27 октября — столетие со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина, которого по праву называют великим преобразователем природы. Своими научными трудами он внес огромный вклад в мировую агробиологическую науку.

★ В Москве создана юбилейная комиссия, в состав которой вошли ученые, работники сельского хозяйства, опытные. На празднование юбилея — оно состоится 27 октября в Большом театре СССР — приглашены свыше двухсот передовиков-колхозников, научные работники, а также гости из зарубежных стран.

28 октября откроется юбилейная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени И. В. Ленина. На пленарных заседаниях и в секциях будут подведены итоги последних работ в области агробиологической науки.

★ Ко дню торжества выпускается специальная юбилейная медаль. На ее лицевой стороне — портрет ученого и надпись «В ознаменование 100-летия со дня рождения И. В. Мичурина. 1855—1955 гг.», на оборотной стороне — герб СССР. Медалью будут награждены

более 850 человек из числа участников юбилейного торжества в Большом театре, а также ученые, колхозники, работники совхозов, специалисты сельского хозяйства, 400 юных мичуринцев и учителей биологии.

В эти дни на экранах страны будет показываться вышедший к юбилею цветной научно-популярный фильм «Великий преобразователь природы».

★ На днях вышел в свет богатый иллюстрированный альбом избранных произведений И. В. Мичурина, в который вошли основные труды ученого. Массовым тиражом выпущены его отдельные произведения. По данным Всесоюзной книжной палаты, до 1 октября этого года труды И. В. Мичурина издавались у нас на языках 17 народов СССР 30 раз общим тиражом в два с половиной миллиона экземпляров.

Вышла в печать трехтомная трудовая советских и зарубежных авторов «Мичуринское учение на службе народу», очерк Ивана Владимировича Мичурина, написанный А. Бахаревым; переизданы известные книги: М. Никифорова «Муарий садовод» и американского ученого Лютера Бербанка «Жатва жизни».

Вечера памяти И. А. Бунина

85-я годовщина со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина отмечена в Москве двумя вечерами — в Государственном литературном музее и Центральном доме ли-

тераторов. На этих вечерах выступили К. Паустовский, Л. Никитин, Н. Телешев, Е. Пешкова, В. Лидин, А. Ладныйский и другие.

Гослитиздат выпускает сборник рассказов И. А. Бунина. В будущем году советские

читатели получат пятитомное собрание его сочинений.

На пороге жизни

Леонид ВОЛЫНСКИЙ

Вместе с Мартой Васильевной Гурингой, директором 132-й средней школы Клева, мы рассматриваем «выпускной» список 1954 года.

Десятый класс «а»... Двадцать семь юных лиц в аккуратных овалах вокруг центральной фотографии, запечатлевшей фасад родной школы. Двадцать семь пар молодых глаз, настроенно вглядывающихся в будущее. Двадцать семь еще не раскрывшихся судеб...

— Хорошие ребята, — говорит Марта Васильевна, слегка прикасаясь кончиком карандаша к овалам. — Вот этот, Станислав Наумов, золотую медаль получил, принял в политехнический. А этот — Митя Войтенко — серебряную, сейчас в университете. И Витя Завиновский — в университет. Олег Яворский в институт легкой промышленности учится. Давид Салеткин в Баку уехал, поступил в нефтяной. А вот этот, — кончик карандаша останавливается, прикоснувшись к фотографии Валентина Ивашевича, светловолосого парня как с худощавым серьезным лицом, в наглом, как видно, ради такого случая галстуке, — этот учился неплохо, а вот — в систему общепита пошел, на курсы поваров... — Марта Васильевна улыбается: — Смеялся над ним ребята.

Так постепенно мы узнаем, что из 27 выпускников, окончивших в прошлом году десятый класс «а», двенадцать поступили в высшие учебные заведения, четверо — в военные училища, трое — в технические, один — на курсы общепита, а семеро пошли на клеьевые заводы.

Итак, худо или хорошо то, что Валентин Ивашевич, неплохой ученик, закончив десятилетку, пошел на курсы поваров?

С общежитийской, практической точки зрения, ответ как будто бы прост: ведь хорошие повара так же необходимы, как и специалисты многих других профессий.

Нам могут возразить: «А нужно ли, собственно, заканчивать десятилетку для того, чтобы стать поваром? Необходимы ли для этого те знания, которые дает средняя школа?»

Но и здесь ответ продиктован жизнью: в стране заканчивается переход к всеобщему

ннем соревновании? Так ли это?

Вот двое таких: Арнольд Янек и Александр Чернолучный, из того же десятого «а». Мы встретились с ними в воскресный день в пустом, тихом вестибюле родной школы. Ребята заканчивают Клевое техническое училище № 1.

Удивительно, как изменились за год их взгляды на жизнь, на будущее и даже их манера говорить, слушать, отвечать.

— Да, пытались поступить в Прошлый год в институт. Не получилось. Попали в техникум. Огорчены? Ну, что вы...

Они переглаживаются, улыбаются. Чем же тут огорчаться? За год учебы получена специальность, да еще какавая!

— Можем теперь на любой электростанции работать — дежурными по щиту, старшими монтерами... — домик баском горюет Саша Чернолучный.

— И на любом заводе, — солидно добавляет маленький Янек.

Ребята явно гордятся своей будущей профессией и, кажется, готовы отстаивать ее преимущества от любых посягателей. Хотят ли они остаться в Клеве? Нет, не очень. Неверно и посягать, правда? Интересно ведь... Говорят, закончивших в области города посылают в другие.

— Ну, а дальше? — спрашиваю я. — Перспективы?

— Поработаем, — сдержанно басит Чернолучный, — а там видно будет. В нашей системе, знаете, как! Хочешь не хочешь, а учиться пойдешь. Вот мы на практику были, на электростанцию, так там и стариков в значный тянут.

— Правда, правда, — подтверждает Янек. — Там у нас руководитель был, монтер один, сорок три года ему...

И невольно вздыхаю, вспоминая, что и сам когда-то считал сорокалетних глубокими стариками. Так вот монтер этот, оказывается, учится на четвертом курсе значного энергетического.

— Знает дело — лучше не надо! — говорит Янек. Тон его не оставляет никаких сомнений в том, что сорокалетний старик будет толковейшим инженером. Не сомневайтесь и в том, что молодые мои друзья, пройдя школу труда, подойдут к работе с большими на то основаниями, чем многие их сверстники, мстившиеся с атлетическим зрелости из одного института в другой.

Чуть погодя в школу зашел еще один выпускник прошлого года — Юра Прокопчук. У парня так сложилось домашнее де-

ла, что о вузе думать не пришлось. Пошел на завод радиоаппаратуры. Поступил учеником и вот теперь работает на сборке телевизоров слесарем по третьему разряду.

Зарботок — в среднем 800 рублей в месяц — идет в семью. Остается и для себя кое-что, правда, пока его немного... Перспективы?

— Вот учусь в вечернем техникуме, через полгода думаю пятый разряд получить. А дальше — шестой... Материально неплохо, — говорит Юра.

Ну, а как же все-таки морально? Вот важный вопрос, на который, как мне кажется, Юра отвечает не очень охотно и не до конца.

— Что же — морально? — мнется он. — Как кому, а мне нравится... Рабочий у нас — человек почетный, — говорит он, помолчав, и вскидывает на меня глаза, ожидая подтверждения.

Тут мы, кажется, ближе всего подходим к одному из существеннейших вопросов школьного воспитания молодежи.

Беза ведь не только в том, что иной семнадцатилетний парень, нашгородный теоретический знанием, не умеет починить дома электропроводку, разобрать и собрать свой собственный велосипед. Корни зла уходят гораздо глубже. Они питаются одним из отвратительных и наиболее цепких пережитков прошлого — неуважением к обычному, «рялому» труду.

Время, когда из рабочих и крестьян надо было «выбивать в люди», давно минуло, но не бесследно. Оно оставило в сознании рубцы. Наше время лечит их медленно, чем могло бы лечить. И здесь небольшая доля вины лежит на школе.

Дело, к сожалению, не только в том, чтобы поставить в одной из школьных комнат верстак, купить десяток два-три слесарских тисков или же разбить опытный участок, где ребята будут работать по два часа в неделю. Все это, спорю нет, полезно и необходимо, но взятое само по себе не решает главной задачи. Я понимаю политтехнизацию прежде всего, как глубокую и всестороннюю подготовку человека к будущей трудовой деятельности. Подготовку, а не только физическую, но — и главное — нравственную. Не рукодельничество, не обитие места и зловоние фразы «почтительности» всякого труда, а кропотливая повседневная работа, постепенно, используя приближающуюся к будущей профессии, — вот что нам необходимо.

Помочь юному человеку «найти себя», развить свои, именно свои природные

наклонности, определить свое призвание, твердо стать на свою дорогу — вот это, на мой взгляд, и есть подлинная, крайне необходимая политтехнизация школы. И, быть может, она потребует более серьезного пересмотра школьной программы, чем тот, который произведен ныне.

Но вернемся к вопросу о судьбе молодого человека, закончившего десятилетку. Сейчас уже ясно, что далеко не все выпускники непосредственно со школьной скамьи переходят учиться в вузы. Часть уйдет в технические училища, другие — на производство, третьи — на различные курсы, в учреждения и т. д. Все это — закономерно. Преимущество же право поступления в высшую школу должно определяться прежде всего одаренностью, осознаваемым влечением именно к данной профессии и, само собой разумеется, знаниями. Теперь единственным способом проверки всего этого являются экзамены. И только медалисты поставлены в особое положение. Разумно ли это?

В последнее время часто говорят и пишут о недовольстве преподавателей вузов успехами некоторых медалистов. Например, в сентябрьской книжке «Нового мира» об этом рассказывала секретарь бюро ВЛКСМ биолого-почвенного факультета Московского университета Л. Розанова. И мне тоже хочется протестовать против этих льгот, которые дает золотая медаль выпускнику средней школы, поступающему в вуз. Думается, что такая практика во многом ошибочна. Ведь погоня за медалью заставляет даже наиболее одаренных распыляться, уделяя равное внимание всем тем предметам, по которым необходимо иметь «5». Порой это происходит в ущерб той предмету, в котором школьник чувствует наибольшее влечение, той отрасли знания, в которой он твердо решил посвятить всю свою жизнь. Так иногда рождаются безличные начитки, книжники, лишенные страсти и живых увлечений. Такой медалист на первых двух курсах вуза учится не так-сяк, — действует школярская инерция. Но в дальнейшем, сталкиваясь с необходимостью самостоятельной творческой работы, он зачастую пасует, ступеневаются.

Бесспорно, что многие талантливые математики, физики, инженеры нередко лишены литературного дара. И наоборот, я знаю литераторов, художников, музыкантов, «ненавидящих» математику...

Мне думается, итоги десятилетия наблюдений над школьником гораздо весомее медали. Глубокая исчерывающая характеристика, основанная на этих наблюде-

Е. ПОЛЯКОВА ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Три спектакля показал в Москве Туркменский драматический театр имени И. В. Сталина: «Отелло» В. Шекспира, «Ревизор» Н. Гоголя и пьесу современного драматурга Г. Мухтарова «Семья Аллана».

Раскрыть глубину шекспировской трагедии, ее философскую, человеческую, гуманистическую сущность и донести горькие и гневный смех Гоголя над царской Россией — сложные задачи.

В постановках туркменским театром классических пьес чувствуется хорошая традиционность — мы все время ощущаем, что туркменские актеры знают спектакли прославленных мастеров русской сцены и, не подражая им, учатся у них, в то же время сохраняя своеобразие, национальную неповторимость своего искусства. Нельзя сказать, что театру удалось раскрыть все огромное общественное и художественное содержание классических произведений, что все грани образов раскрыты в театре с исчерпывающей полнотой. Хотелось бы, чтобы актерский ансамбль «Отелло» был более сложным и ровным, чтобы исполнители многих ролей двигались по сцене более естественно и непринужденно, чтобы Б. Аманов более определенно раскрывал в своем Яго не только злобу, зависть, циничный и холодный расчет, но чтобы были более ясными самые побуждения этих действий, мотивы его поступков, то, ради чего они совершаются. Хотелось бы, наконец, чтобы самая трагедия Отелло заставляла нас не только жалеть этого человека и думать о его судьбе, но поднимала бы до очень больших обобщений.

Все это так. Но самую основу шекспировской трагедии и режиссер спектакля И. Громов, и художник Х. Кордыш, и актеры раскрывают великолепно и в то же время с благородной сдержанностью.

Самая традиция исполнения роли Отелло, основная тема этой роли прочно определилась в советском театре. В общем-то все исполнители ее «не ревнивы, а доверчивы», и просто нельзя представить себе советского актера, который играл бы неустойчивого любовника и бешеного ревнивца. Но, играя «в традиции» Остужева, Хоравы, Тхапсаева, неся в своем исполнении ту же тему, Аман Кульмамедов раскрывает ее по-своему; и мы уже не сможем забыть именно его прочтения роли, его трактовку отдельных сцен и всей линии образа. Мы не забудем и грубоватую, здоровую Эмилию (С. Мурадова), влюбленную в своего Яго, и очень искреннего и прямодушного Кассио (В. Бердыев), и мгновенно переходящую от смеха к слезам и от слез к смеху Бьянку (Э. Аламанова), и весь облик этого сурового, строгого спектакля.

Постановку «Ревизора» (режиссеры А. Кариев, А. Каратов, М. Кульмамедов) родит с «Отелло» та же вдумчивость и осторожность в обращении с классической пьесой, то же стремление раскрыть характеры ее героев по-своему и в то же время с учетом лучших традиций русского театра. Все годолевские ремарки соблюдаются в этой постановке тщательно, даже сгруппировано и внешне чиновников, и обстановку голястнического номера Хлестакова, и появление купцов с сахарными головками в корзине, и немая сцена — все это соответствует нашему представлению о Гоголе, все «работает» на раскрытие основной темы.

Правда, можно упрекнуть режиссуру в том, что, тщательно воссоздавая эти мелочи жизни, они подчас упускают из виду самое действие гоголевской комедии, не всегда умеют раскрыть его ритм. И тогда у А. Кульмамедова, особенно в начале спектакля, вдруг пропадает тема отчаянной, панической деятельности городничего, его стремления спастись, обмануть ревизора, тогда куарный и глумливый Хлестаков, вообще-то интересно сыгранный А. Кариевым, вдруг теряет свою обязательную «легкость в мыслях» и становится

ся... тугодумом, мучительно и довольно долго обдумывающим, как же ему вывернуться из затруднительного положения.

И в то же время как темпераментно, в полную силу раскрывает огромную, захлебывающую радость городничего А. Кульмамедов в последнем акте, когда он важно и величественно, с каким-то сиянием на лице принимает гостей, братски целуется с поздравляющим его квартальным, а потом, в заключительном монологе, мучительно старается осознать, как же ухитрился Хлестаков обмануть его. В этой картине спектакля, в образе толстого и юркого Землянички (Н. Бекмиев), в объяснении Хлестакова со слесарней Поппелькиной (С. Мурадова), особенно ярко раскрывается замысел великого писателя.

На классических спектаклях театра мы следим за тем, в какой степени театр сумел раскрыть замысел пьесы, что же собственное, отличное от предшественников нашел каждый исполнитель в своей роли. Когда же мы смотрим пьесу Г. Мухтарова «Семья Аллана», нас не покидает ощущение: театр очень во многом помог драматургу, актеры дали толк и впрямь его образам, написанным сценарно, но далеко не с той глубиной и смелостью, какой требовалось бы от современного драматурга. Сейчас, через восемь лет после написания пьесы, после того, как она перепрошена временем, мы особенно остро ощущаем в ней стремление несколько прикрасить жизнь, непременно сгладить к финалу все недоразумения между персонажами пьесы.

Естественно, что это отразилось и в спектакле. Например, декорации художника Х. Алабердыева никак не соответствуют образу жизни семьи Мердановых. Неправдоподобно большая и такая же неприглядно роскошная квартира, которая доводит у нас из пьесы в пьесу и из фильма в фильм, мебель бедной царянки, но, однако, вещи, характеризующие хозяев дома, — все это не помогает спектаклю.

Но в том основном, что всегда определяет образ и ценность спектакля, — в актерском исполнении, — театр (режиссер М. Сентиязов) шел по пути обогащения авторских образов, дополнения их массой черт, подмеченных в самой жизни.

Нельзя сказать, что всем исполнителям удалось создать образы интересные и многогранные. Как ни просто произносит А. Дурдыев монологи Ата о борьбе с заселением почвы, как ни старается А. Бекмуратов раскрыть какие-то индивидуальные черты в своем Курбане, как ни стремится М. Бабаева показать чистоту, трепетность и в то же время глубокую принципиальность своей Ягуль, а Ф. Алиева — повесть сама и заставить нас поверить в душевную драму молодого врача Жиня, которая почему-то несколько лет не может обрести со своим любимым Ата, — все же они не остаются в памяти как живые, интересные люди.

Там же, где пьеса давала возможность для привнесения жизненных ассоциаций, там образы углубляются. Доброй и заботливой матерью большой семьи прошла перед нами Бяке — С. Мурадова; образы Аллана (А. Кульмамедов) и Байрама (М. Черкезов) сыграны актерами с тем проникновением в роль, с той достоверностью, которая как бы выводит их за пределы оного спектакля, делает их типами людей сегодняшней Туркмении.

К сожалению, «Семья Аллана» — единственный спектакль о современности, показанный на декаде Туркменским драматическим театром. А они нужны этому театру, нужны его зрителю, его режиссерам, актерам. В этих спектаклях надо раскрыть глубокий и полноценный образ нашего современника, образ, в воплощении которого театр идет по верной дороге.

С КЕМ не бывало так: издеш по ежегодной выставке, смотришь картины, и все попадает не то что плохое, а среднее... Чувствуется, что автор много повидал чужих произведений, бойко грамотен, даже мысли кое-где притаял и быть может, высказал в притворе посмотреть природу. От полотна к полотну вроде бы начинаешь привыкать, становится кое-что интересным: одна неполохо осветил фигуру, другую удачно интерпретировал... И вдруг все интересно, фигуры, картины, пейзажи, «как соп, как утренняя туман»; в растерянности вы стоите перед небольшим холстом, надетым на подрамник. Не замечаете ни освещения, ни мастерства, ни удаче: сама жизнь предстает перед вами, вы ощущаете влажное дыхание поля, орошенного дождем, запах цветущих лилий, вы будто бы слышите далекие ворчанье уходящей грозы...

К ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ ЛИТЕРАТОРОВ, ПИЩУЩИХ НА КОЛХОЗНЫЕ ТЕМЫ

РЕАЛИЗМ ОБРАЗА

В. ЛУКАШЕВИЧ

Вспоминаю об этом только, чтобы подтвердить: немало всякого рода критиков живет в наших русских деревнях, и Г. Тропоянский верно увидел своего Митрича, своеобразного человека этой породы. «У истинного таланта каждое лицо — тип, и каждый тип для читателя есть знакомый незнакомец» (В. Белинский).

В рассказе Митрич из года в год протестует против планов, которые «спускают» колхозу, потому что в этих планах не учтены местные условия и особенности. «Зачем сеять яровую пшеницу, если она у нас спокон веков не родила?» — упорно спрашивает он на колхозных собраниях. Он заявляет агроному:

«А ты иши, стучи, говори там наши слова: «Не рожат, мол, спокон веков». Иши в газеты — ты умеешь. Ты напишешь, другой напишет — сразу поймут. Ведь хотя же там, вверху, хорошей жизни народу? — спрашивает он и поднимал палец вверх. Хотят, — отвечал он, и поддержал его кинком головами. Хотят, — подтверждал Митрич еще раз с полной уверенностью. Откуда же у вас такой рыбий закон: «Пшеница — модни, земля — модни?»»

И на это агроном не знал, что ответить. Очень хорошо «природа» горькуновской критики показана в сцене переубеждения правления, когда и Митрич и другие колхозники так ругательски ругают председателя Ивана Степановича, что секретарь райкома Некрасов решает: надо сменить председателя! Но как только он говорит об этом собранию, критики разом умолкают и требуют «перекура». А во время перекура, на улице, Митрич подходит к Некрасову, долго и сбивчиво защищает председателя колхоза.

«Вы же, вы сами ругали его десять минут назад!» — восклицает Некрасов. И тогда Митрич возражает: «Такое дело, понимаешь... Был у меня сын, Павел, Помер он — двое вучат при мне выросли. И мать ихняя померла... Помер — он прямо смотрел в глаза Некрасову и закончил: «А ведь я его раза два пород ремнем, Папучку-то. Разве ж я его не любил... сына?»

Тропоянскому удалось вскрыть корни изображаемого явления, показать то, что такой Митрич является порождением советского строя, что он жизни себе не мыслит без колхоза и что именно эта убежденность в «правильности» колхозного дела, в правильности народной власти придает ему силу и страсть его «сумасания», его критическое высказывание, его «святого недовольства» всем тем, что с его точки зрения, является неправильным, вредным для общего дела.

«Так вот и жил Митрич со своими идеями, простыми и четкими: любовь к людям, но их не баловая; работа не покладая рук в колхозе, возмущался недостатками; любовь советскую власть, иногда поругивал и ее, если считал, что-то неправильным согласно своему убеждению и хозяйственным соображениям. При этом ему совершенно было неважно, что о нем подумают (по крайней мере так казалось со стороны)».

Между прочим, спасибо Г. Тропоянскому и за белое, но верно отмеченные образы умных секретаря райкома и председателя колхоза: в последнее время, особенно в драматургии, стало модно возлагать на них ответственность за все бывшие и существующие недостатки в сельском хозяйстве, изображать их карьеристами, пьяницами, а иных председателей даже и ворам. Но ведь превращение коммуниста, руководителя колхоза, отобранного райкомом и выигранного колхозниками, в жулика свидетельствует о неблагоприятии в этом районе, если, конечно, этот случай может рассматриваться, как типичный. И поэтому писатель-реалист, чувствующий свою ответственность перед народом, должен показать те конкретные условия, при которых стала возможной в этом месте вспышка пережитков капиталистического мира, ибо только тогда возможна борьба с ними. Если, повторю, это явление типичное, ибо незначительно, предположим, о случаях сумасшествия среди руководителей колхозов.

Мне кажется, что в то время, как В. Овечкина в «Районных буднях» от первой до последней строчки был и остается писателем-реалистом, глубоко пишущим «целинные и залежные земли» нашей колхозной литературы, кое-кто из литераторов нарушал основные принципы реализма ради большей сенсационности, бенгальского огня и шума. Так, на мой взгляд, А. Злобин о Рубцове и В. Тендряков об Иване Чупрове должны были писать иначе: с глубоким анализом влияний, действовавших на изменение характеров этих людей в худшую сторону.

А между тем предсатель колхоза — одна из самых героических фигур нашего времени. Многие талантливые люди выдвинулись в своей среде русский народ на эту ответственную должность! И ведь в каких — шной раз буквально невероятных — условиях приходилось работать этим талантливым народным вождям. Вот талантливый народный вождь. И может быть, только теперь, после «Районных будней» В. Овечкина и некоторых других произведений, мы по-настоящему соизмерили для такой темы...

Многое верно увидели в своем Митриче Г. Тропоянский. Так, он рисует этого старого крестьянина человеком умным, талантливым русским земледельцем. «...Он в совершенстве владеет мастерством склифования, знает толк в выпасах, точно знает, в каком поле можно пахать глубоко, а в каком нельзя; никто лучше его не находит упряжь или телегу. А к его «особым» мнениям и постоянным сомнениям воде-неводе прислушивались, обсуждали между собой, иной раз спорили».

Вот, например, Митрич советует походить с посевом прося: «Задержи же сев!» — восклицает Иван Степанович. И правильно, задержи. Бобовник, он зашевелит, когда земля нагреется. А прося в холодной земле — мотила.

Митрич уходит, а мы решаем, часть посеять «по Митричу», а часть — по-своему. И получается: «по Митричу» лучше — урожай больше.

Интересно и многозначительно звучит это утверждение в устах опытного агронома Г. Тропоянского! Прежде всего это — признание, что, увлеченные перестройкой сельского хозяйства на научной основе, мы нередко пренебрегали крестьянским опытом, накопленным на протяжении веков. Кто из бывших в деревне не знает этих споров «между директивной и практичной»? Не нужно особого напряжения памяти, чтобы назвать талантливых мастеров сельского хозяйства, у которых «по-своему» получалось лучше, чем «по директиве»... Вот хотя бы оторочник Иван Степанович Баженов из Кинешинского района Ивановской области, который сажал капусту позже других... А впрочем, стоит ли называть имена? Ведь сегодня уже общепризнано, что шаблонное применение химических методов не ведет к добру. Значит, Г. Тропоянский и здесь сказал правду.

Но не всю правду! Мне кажется, что здесь он все-таки немного покривил душой и саукавил, стремясь приукрасить своего Митрича, сделать его мудрее, неперекраемой. Кто лучше агронома может знать, какая лопка в сознании старых земледельцев произошла за эти годы! Что стоит хотя бы такая «странная операция», как боронование озими! С каким трудом обычно внедряются минеральные удобрения, фосфоритная мука, использование закисленных почв... Во многих местах Центральной России недружелюбно встретили появление пшеницы: здесь испокон веков сеяли рожь... Г. Тропоянский об этом умалчивает. А законы искусства таковы, что за всякое умалчение приходится расплачиваться потерей красок, обезличиванием портрета. Если бы мы увидели Митрича не всегда правильно протестующим и умоляющим понять свою неправоту, мы увидели бы его в движении, в изменении характера. В статичности образа Митрича, на мой взгляд, основной недостаток хорошего рассказа. Впрочем, пожелаю Г. Тропоянскому показать и проанализировать характер Митрича во всей его сложности да еще и в движении, не вместились бы ему в небольшой рассказ! Куда там!

Заканчивая повествование, Г. Тропоянский описывает похороны Митрича: «И не было ни у кого слез, так проважало из жизни человека, который сделал все, что мог сделать, для которого поэтому и смерть — логический конец, поражающий своей простотой и ясностью. И если бы кто-либо стал горевать, то самому Митричу, будь он снова жив, было бы обидно. Но, верьте, было у меня необычное для этого случая чувство, которое я и сам, пожалуй, еще не определил тогда точно: это было чувство благодарности за то, что он жил рядом со мной».

Будем откровенны, сейчас это сказано нельзя, но все-таки несомненно слишком сильно! Почему? Да потому, что вечно недоброй Митрич недостаточно показан в своей благотворной роли брошюльного начала, дрожащей в тете, мы видим его не столько значащим, сколько добрым, сколько протестующим против зла. И в этом тоже есть авторское умалчение, еще одна акцентация свойств характера.

Но даже в нынешнем упрощенном варианте Митрич — фигура живая, интересная. Если же взглянуть на «Митрича» в ряду остальных произведений Г. Тропоянского, то окажется, что это пока самое глубокое из его проникновенных в характер человека — нашего современника.

В ЛЕНИНГРАДЕ открыта выставка детской литературы, издаваемой в Латвии, Литве и Эстонии.

Письмо земляку

Т. С. МАЛЬЦЕВУ

Терпентин Семенович, здравствуйте! Только что побывал в дальнем спешном царстве я, слетал за родной Урал.

В этом году от засухи Урал Зауралья гол, мертвенной почвы запах тянут к реке Тобол. Слово же обидели, скривились в три погребели долины талинка. Местность так обезводела, что больно смотреть вокруг, какое уж тут плодородие, когда все горит...

И вдруг! Именно вдруг — отличная предстала моим глазам тучная гряд пшеничная, равная чудесам. Явственно — колос к колосу, в полный гвардейский рост, во всю золотую полосу в раме подруг-берез. Глядя на ниву пристально, понял я лишний раз, как велико воинству дело без громких фраз. Вот она, страсть новатора, мысли полет живой! С поля до элеваторов путь у нее прямой. Плещет пшеница волнами на ветере степном, клонит пригибши, полные выстрадавшим зерном. Вых, как звенит, усажая, клочит, выдаль, кося, всем своим видом ратует за своего отца.

Рослая, длинноногая, зрел себе, расстел, ни стужа ее не трогает, ни зной ее не берет. Правду сказать, завидую знатному земляку, внешне не подал вида я, но ощутил тоску по удалой, решительной, той, что всегда права, властной и удивительной мудрости мастера. Какой бы для всех полезное стала наверняка нива моя словесная, неся без сорняка!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ РАСКАЗЫВАЮТ

Новое революционной деятельности автора „Цусимы“

Известный советский писатель, автор «Цусимы» Алексей Сильчikov-Прибыло с 1899 по 1906 год служил матросом Балтийского флота. Недавно найден новый документ о революционной деятельности А. С. Новикова-Прибыло в 1903—1905 годах. С осени 1902 года среди матросов Балтики создаются социал-демократические кружки. Организатором и наиболее активным участником кружка, возникшего в Учебно-артиллерийском отряде, был А. С. Новиков. Члены кружка знакомили матросов с тяжелым и бесправным положением рабочего класса и крестьянства в России и призвали к борьбе с царским самодержавием. Они вели антирелигиозную пропаганду, распространяли среди матросов социал-демократические издания, в пути свели в своем лагере Николаю II министр юстиции. В артиллерийском отряде выдающиеся значение приобрел батальон 1-й статьи Алексей Новиков... Означенный Новиков, — писал царский министр, — представляет заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах только рассуждал о философии Канта». В этом же донесении также сообщалось, что именно Новиков получал в Петербурге более 30 «социалистических сочинений».

С началом русско-японской войны А. С. Новиков был назначен на броненосец «Орел», который затем в составе 2-й Тихоокеанской эскадры направился на Дальний Восток.

В сохранившемся дневнике одного из офицеров «Орла» содержится любопытное изложение о писателе. Как свидетельствует автор дневника, в пути свели в своем лагере Николаю II министр юстиции. В артиллерийском отряде выдающиеся значение приобрел батальон 1-й статьи Алексей Новиков... Означенный Новиков, — писал царский министр, — представляет заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах только рассуждал о философии Канта». В этом же донесении также сообщалось, что именно Новиков получал в Петербурге более 30 «социалистических сочинений».

Военные моряки русского флота приняли активное участие в революционной борьбе пролетариата. В рядах борцов первой русской революции были и А. С. Новиков-Прибыло.

В. ПЕТРАШ, старший научный сотрудник Центрального государственного архива Военно-Морского Флота

Фото А. Ляпина

ФЕЛЬЕТОН

„Наставление“ для очеркиста

Предлагаем руководство, пользуясь которым можно писать очерки, никуда не выезжая и имея на руках лишь сводку данных по району или даже по колхозу. Мы попытаемся перечислить здесь наиболее распространенные приемы превращения сводки в художественное произведение.

Начинать следует так: «Поезд, даяная на сцеплениях, замел-тил ход. Мы вышли на перрон. Откуда-то тянула дымок. «Вам в колхоз «Заря» — спросил коренастый мужчина, теребя шапку-ушанку. Через минуту от-кормленная лошада, бодро помахивая расчесанным хвостом, мчала нас по широкой дороге, пролегающей среди полей. Там и сам зеленели всходы грези-хи, проса, пшеницы, ося, кукурузы, картофеля (неужно зачернуть). Во всем чувствовался достаток».

Теперь пора вкряпывать сводку. Предлагаем варианты оформления.

Вариант № 1. «Сводка через возницу»

Итак: «Во всем чувствовался достаток...»

«Всеселый, Малютка, не дремли, — крикнул возница и повернул ко мне несомненно, обветренное лицо с молодо-блескующими из-под кустистых бровей глазами. — Впервой в наших краях, ась?»

Впервые, — ответил я, расстегнув воротник.

«Хорошо живем, — крикнул возница и добавил, указывая кнутовищем на дорогу. — Видали? Электричество везде. Имеем радиоузел, клуб, библиотеку. Многие завели радиоприемники, электроплитки, утюги, телевизоры, холодильники. Колхоз обеспечил всем полновесный трудозанят».

«Вот как, — сказала я, пряча лицо в воротник. — А как же? — затянулся мажорной возница. — Одно птицеводство дает стотысячный доход. Но, Малютка! Квадратно-гнездовая посадка картофеля крепко повышает экономическую выгоду воздвизания последнего... Опять же животноводство...»

«Мы въехали в сосновый бор. Малютка ревно бегала среди красавиц-сосен. — Животноводство, говорю. Наш передовик чабан Козлов ежегодно получает в отаре грубошерстных овец в среднем по 141 и две десятых ягненка... Эх, и жизнь настала! Всеселый, Малютка!

Вдали показались колхозные строения. Поминутно расстегивая и застегивая ватник, возница сказал: «Вон красная крыша. Молочная ферма. Доярка Ситникова лишь за последние годы получила от закрепленных коров свыше полутора миллиона центнеров, то бишь килограммов, молока. Вот они делатю каки!»

И возница взглянул на меня внезапно потеплевшими глазами. (Не будем продолжать. Вариант ясен. Вы будете ехать и ехать до тех пор, пока возница не выложит всего того, что вам нужно сообщить читателю в вашем очерке).

Вариант № 2. «Сводка через собрание колхозников»

Итак: «Во всем чувствовался достаток...»

«Мы подъехали к колхозу «Заря», когда уже темнело. Несмотря на поздний час, клуб был переполнен. Шло собрание...»

«Прошу слова!» — раздался грубой приятный голос, и к столу вышла женщина с приветливым лицом и ясными серыми глазами.

«Наша лучшая доярка Маша Ситникова, — шепнула мне соседка, девушка с пушистыми прямыми волос, выбивающимися из-под платка. — Передавай! За последние годы получила от закрепленных коров свыше полутора миллиона килограммов молока. Любит ее у нас!»

«Хочу сказать, — волнуясь, говорила Ситникова, — и дело поправляла сплавляючи на лоб пряди русых волос (вариант: теребя кончики пушистого головного платка). — Люди у нас в колхозе хорошие, работающие. Одно птицеводство дает стотысячный доход. А картофель? Квадратно-гнездовая посадка повышает экономическую выгоду воздвизания последнего...»

«Правильно!» — одобрительно загоде-ло собрание.

Доярку сменил у стола молодой мужчина с обветренным лицом и молодо

поблескивающими из-под кустистых бровей глазами.

«Наш лучший чабан Козлов, — шепнул мне сосед слева, юноша с озорной усмешкой, кудрявым чубом и в куртке с молниями. — Передавай! Добился получения с отары грубошерстных овец по 141 и две десятых ягненка...»

«Хочу сказать, — волнуясь, говорил Козлов, теребя шапку-ушанку (вариант: расстегивая и застегивая ватник). — Маша Ситникова правильно сказала о квадратно-гнездовом методе. Мы это учли и теперь выращиваем по 180—200 центнеров на гектар...»

Когда колхозники, не спеша, похозяйски ступая, разошлись, я остался в опустевшей комнате с председателем.

«Хорошо жить стали, — затянулся мажорной председателем, шурия умные, с лукавиной глаза. — Имеем радиоузел, клуб, библиотеку. Многие завели электроплитки, радиоприемники, утюги, телевизоры, холодильники...»

И председатель взглянул на меня внезапно потеплевшими глазами.

Вариант № 3. «Сводка через встречи с передовиками»

Итак: «Во всем чувствовался достаток...»

«Мы застали доярку Ситникову как раз в тот момент, когда она получала от коров «Зорьки» свои ежедневные 90 литров (при 4 процентах жирности). — Рассказывай, Марья Савишна, как вы добились рекордных удоев.

«Люди вокруг хорошие, работающие, — волнуясь, сказала доярка, поминутно поправляя сплавляючи на лоб руся прядь (вариант: теребя кончики платка). — Богатеем. Одно птицеводство приносит колхозу стотысячный доход. Везде достаток. Имеем радиоузел, клуб, библиотеку. Многие завели радиоприемники, электроплитки, утюги, телевизоры. Советую также ввести любовную сцену — это освежает внимание...»

«Мы застали тракториста Федю, кудрявого паренка с озорной усмешкой, в тот момент, когда прищипнула Катя украшала фуражку любимого подснежниками, ромашками, васильками (неужно зачернуть). Озорный ветерок трепал пушистые волосы девушки...»

«МТС является возрастной материальной, технической и научной базой развития сельского хозяйства, — сказала Федя, поминутно расстегивая свою куртку с молниями. — А также организатором...»

«Сельскохозяйственное производство, — добавила Катя, перебирая ромашки (подснежники) тонкими пальцами. — Вдали синел лес. Хотелся осян. Последние лучи заходящего солнца...»

Варианты концовок

1) Деловитая, сухая: «Много нужных и неотложных дел волнует коллектив колхоза «Заря». Колхозники предприняли стремлением с честью осуществить свои задачи на новом этапе подъема сельского хозяйства».

2) Теплая, лирическая: ««Хорошо бы назвать наш колхоз «Светлый путь», — сказала Катя, поминутно поправляя пушистые пряди, сплавляючи на лоб...»

«Подходяще, — согласился Федя, расстегивая ватник. — У нас вокруг все светлое. И река светлая и дома светлые...»

«Оба метельно улыбаются».

Самое грустное и самое смешное в нашем «Наставлении» заключается в том, что многие предложения его и даже фразы почерпнуты нами из очерков, опубликованных в свое время в печати.

Наталия ИЛЬИНА

Последние годы И. А. Бунина

К 85-летию со дня рождения писателя

Сегодня исполняется 85 лет со дня рождения замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, автора таких произведений, как «Керенский», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и многих других.

Бунин долгие годы жил во Франции и умер в 1933 году в Париже. В Париже он прожил в тихом квартале Пасси, во времена Балзана, жившего в тех же местах, там прыгали лесные кролики, а теперь улицы застроены скучными доходными домами. В одном из таких домов, на улице Жак Оффенбах, у Бунина была скромная квартира. До этого он жил на юге Франции, в маленьком городке Грасе, где мог спокойно писать свои книги.

Я встретился с Буниным, «по парижскому обычаю», главным образом в кафе. Писатель охотно посещал кафе, в которых собирався литературная молодежь, устраивались литературные собрания и диспуты, хотя сам он не любил спорить, а наблюдал жизнь своими необыкновенно зоркими глазами и в двух-трех словах высказывал в разговоре самое важное. Кажется, за все свое пребывание за рубежом он написал одну-единственную критическую статью, но устная его критика была всегда острой и даже беспощадной. Он никогда

не денился также посылать автору поправившейся ему книги или даже отдельного газетного рассказа несколько теплых слов или свою фотографию с дружеской надписью. В писательском мастерстве он больше всего ценил зоркость, правдивость, точный образ, словесную находку, хорошо подмеченную подробность.

В беседах с Буниным интересно было слушать его высказывания о писателях. Единственный человек, перед которым он благоговел, был Лев Толстой. Об этом он написал, и не стоит повторять здесь. По отношению к Чехову и к Горькому он испытывал нечто вроде соперничества, в хорошем смысле этого слова. К Достоевскому относился с некоторым раздражением и однажды, шутя, сказал: «Всюду он сует Христа в свои романы!»

Бунин присматривался к советской литературе. В ней он зорко отсматривал все ценное и не раз говорил об этом в частных беседах. Когда после войны в Париж стали приезжать по делам борьбы за мир советские писатели, Бунин искал встречи с ними, расспрашивал о том, как они живут и работают.

Хотелось бы передать здесь несколько живых стрихов о Бунине, как о человеке. Следует сказать, что все то, что было характерно для Бунина, как для писателя, характерно для него и как для человека. У Бунина были необыкновенная жадность к жизни и интерес к людям. Он любил жизнь, здоровье, хотя сам страдал много лет мучительным недумом, любил хорошую шутку, отлич-

но рассказывал, особенно о Толстом, превосходя читал свои произведения на литературных вечерах, которые он по традиции устраивал на левом берегу Сены в отеле «Лютеция».

В годы своей зарубежной жизни писатель уже не носил той «интеллигентской» борюдин, с какой он изображен, например, на портрете в приложении к «Ниве». Всегда свежеевзыбитый, опрятный, — зимой в черном костюме, летом в сером или, у себя в Грасе, в рубашке с короткими рукавами и в нескольких старомодном напюте, — он долго сохранил молодость и почти до конца своих дней сохранил творческую ясность.

Бунин не любил углубляться в то, что называется «измами». Главным для него были родина, природа, люди. И пока он шел по своему старому пути, он оставался верен заветам русской литературы даже за рубежом. Но, очевидно, в условиях оторванности от русской жизни удержаться на этом пути было трудно. Особенно в окружении упаднической литературы. Например, в одной из своих последних книг, в сборнике рассказов, который называется «Темные аллеи», писатель, еще сохраняя внешний блеск своего дарования, уже потерял умение выбирать в жизни самое главное и ценное в художественном отношении, то есть отказался от того, что отличает реализм от натурализма. Бунин совсем не писал за рубежом стихов, если не считать двух-трех случайных стихотворений. Написаны им в эмиграции книги — «Дело колета Елагина», «Солнечный удар», «Митиша любовь», «Жизнь Арсеньева» — значительно уступают тому, что он писал в свое время на родине. Когда Бунину было присуждена Нобелевская премия по

литературе, то поводом для этого была не его литературная деятельность за рубежом, а книги, написанные еще в России. У Бунина не нашлось мужества порвать с эмигрантским окружением, которое засасывало его в житейское болото. Однако справедливость требует прибавить к этому, что до конца своих дней Бунин любил родину и всегда желал ей процветания, хотя понять революцию он так и не сумел. Во время войны и оккупации Франции гитлеровцами Бунин ничем не запятнал себя, не напелал при немцах ни одной строчки и ушел от всякой общественной деятельности. Это были страшные годы во Франции. Бунин жил тогда в Грасе, сидел в неограниченной комате, при этом у него искалеченные от холода руки. В те опасные времена под крышей Бунина иногда находили убежище люди, которым грозила высылка в лагерь смерти. И в это время было большое мужество писателя. Но в патристическом движении, которое во время войны и после нее вспыхнуло среди трудовой эмиграции, Бунин фактически участия не принимал. В своем письме сотрудникам «Советского патриотизма» он писал, что потерял охоту принимать участие в какой-либо политике, и прибавил: «Горю радостью, победил Россию и союзников, но ведь это не политика».

Судьба Бунина сложилась таким образом, что он долго жил и умер вдали от родины. Но советская общественность, которая чутко следит за большими явлениями в области культуры, не терпела из виду писателя. Имя Бунина, его творчество в лучших своих образцах принадлежат русскому народу, русской литературе.

Ант. ЛАДИНСКИЙ

Был уже поздний вечер, когда мы вышли из дома лозаннского рабочего Реймонда Каваллини.

Только шофер-швейцарец, дожидаясь в машине у ворот дома, проворчал: — Долго еще мы будем здесь торчать? Я не флинт, чтобы проводить ночь на улице...

— Ох, старый ворчун! — засмеялся Андре Мюра, журналист из местной газеты, и обратился к нам: — Неужели в Советском Союзе шоферы тоже любят ворчать?

Шофер от неожиданности вскинулся, потом сдвинул фуражку на затылок и смущенно заулыбался.

— Вы из Советского Союза? Вот так-так! — А через секунду, вполне оправдываясь от неожиданности, лишь ухмылился за руль. Что вы такое говорите, Мюра, кто ворчит?.. Едем! Едем смотреть Лозанну!

И вот мы уже стоим на площадке у кафедрального собора, венчающего один из холмов Лозанны. Здесь все дышит поэзией: средневековый Ситэ с уютной маленькой площадью перед старинной ратушей, стрельчатая готика и витражи собора. Деревянная лестница с навесом спускается к узеньким горбатым улицам. Оттуда путь ведет к серебристой глади Женевского озера, по ту сторону которого отчетливо видны очертания Альп.

Перед нами лежала мирная, засыпающая Лозанна, город, полный обаяния и уюта.

Завтра поезд повчит нас вдоль берегов голубых озер, мимо Юрских гор, покрытых архаичным хвойным лесом, мимо своих, словно вымытых за ночь пастбищ. В окнах будут мелькать аккуратно возделанные поля, виноградники, чистенькие домики, уютные плеточи. И снова мы скажем: какая красивая страна!

Но серые камни, выходящие то тут, то там в яркой зелени лесов и виноградников, гранитные глыбы, которые неожиданно видишь на улицах Лозанны, напоминая, каких трудов стоили швейцарскому населению эта аккуратность и приращивание лугов, сколько поколений швейцарцев набивало мозоли на руках, очищая поля от камней, выкорчевывая многовековые деревья, прокладывая эти прекрасные дороги... И опять мы вспоминаем с уважением и симпатией трудолюбивый, упорный народ этой маленькой страны.

Было время, когда эта страна отправляла свою молодежь за границу искать счастья. Некоторые находили его в ремеслах, которыми издавна славилась их родина, другие — в торговле, в том, что в Риме или Вене. Третьи же — в войнах, в которых шли в наемные войска. Еще в армиях папского Рима можно было встретить тех, чьим девизом было: «Хочешь иметь героев — хорошо им плати». Не с тех ли времен сохранились «валеты» — стражники Ватикана, которые и сейчас стоят на площади святого Петра в Риме, развлекая туристов своими музейными костюмами и алебардами?

Но тоска по родине, страстное желание приложить сильные, трудолюбивые руки к плугу, к машине тянули швейцарцев домой. Все меньше и меньше оставалось их в чужеземных армиях. В 1815 году Швейцария становится на путь постоянного нейтралитета. Ныне полная воинственность швейцарцев проявляется разве лишь в том, что в некоторых кантонах во время выборов граждане, собираясь идти на городскую площадь, опоясываются старинными саблями.

Некоторые склонны приписывать нейтралитет Швейцарии ее географическому положению. Конечно, неприступные горы, зубчатые скалы, глубокие озера и бурные реки испокон веков ограждали Швейцарию. Но, думается, век нейтралитета Швейцарии наступил тогда, когда народ ее понял насущную необходимость защиты своей национальной независимости. Именно установление национальной независимости и твердого нейтралитета давали возможность этой маленькой стране создать высокую культуру и технику, которые принесли Швейцарии куда большие славы, чем средневековые воинственные походы ее молодежи в чужеземных армиях, под чужеземным командованием.

Эти мысли возникли в тот мирный полуденный час, когда мы смотрели с холма кафедрального собора на затухающие огни Лозанны. Не буду кривить душой и не скажу, что в Швейцарии нет людей, у которых не было бы и сейчас желания послать швейцарскую молодежь в чужеземные армии. К сожалению, такие люди есть. Но их мало, этих людей с отсталыми взглядами на мир и свою страну. И сейчас мы думаем и говорим не о них, а о швейцарском народе, которому дороги мир и национальная независимость, который гордится — очень гордится! — своим нейтралитетом.

«Тренировка» на базе Стэд. Пребывание в этом деревянном ящике вызывает временный паралич мускулов.

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Это мы увидели уже в день приезда в Швейцарию. Поезд мчитесь в Лозанне. Кондуктор, молодой, рыжеватый парень с билетной сумкой через плечо, вывесил на двери вагона картонку, на которой написано: «Здесь едет советская делегация». Благодаря этому на станциях у окон нашего вагона всегда толпились народ. Правда, разговор не успевал завязаться: через четыре-пять минут поезд срывается и мчится дальше, но и эти минуты вполне достаточно, чтобы обменяться — на память! — спичечными коробками, показать друг другу руки.

У кондуктора не очень сложная обязанность: получить деньги, отпечатать билет компостером — и все. Поэтому он и то и дело возвращается к нам. Мы уже знаем, что прошлым летом он провел отпуск в Вудашегте, где его кормили «чем-то маленьким, круглым, черным и очень вкусным». Кажется, это была икра. В другой заход к нам он рассказал, что США поступили нечестно, по-высив односторонне пошлину на ввоз швейцарских часов. (В это время мы как раз проезжали мимо фабричных зданий, где за огромными окнами швейцарские умельцы делают часы, приносящие их стране всемирную славу). Кондуктор говорил возмущенно, горячо: как они, американцы, не понимают, что это возмущает швейцарцев? Ведь сокращение вывоза часов — это угроза безработицы для тысяч рабочих вот этих и других заводских заведений. И без того жизнь по-прежнему за последние годы, растут налоги...

— Мы обедаем в небольшом ресторанчике. Ресторанчик настолько итальянский, как если бы он стоял не у Лозанны, а в Риме. Хозяин уже успел осведомиться, не приходилось ли нам бывать в Милане, и, узнав, что приходилось, с особым жаром принялся за приговаривание итальянского блюда, не переставая повторять: «О Миланский собор — чудесная вещь! Миланский собор — чудесная вещь! И вдруг неожиданно шумно вздохнул: «Неужели, синьора, кто-то мечтает о войне? Должны же люди, наконец, встать за ум...»

С рабочим-строителем Реймондом Каваллини, из дома которого мы недавно вышли, с Андре Мюра и начальником гимназии Фернандом Петит мы провели весь вечер. Разговор шел о том же, о чем мы говорили в Лозанне.

«Водородная бомба» — это теперь осталось только оседлать эту тварь!

Рисунок художника Мессера из американской газеты «Рочестер таймс-юнион»

«Еще темнее и тише стало на улицах Лозанны. Стрелки часов на кафедральном соборе сошли на двенадцати. И в этот момент колокольный собор осветился мягким, таинственным светом, там мелкими силуэтами человека, и над спиной Лозанны раздался ясный, протяжный голос: «Бьет полночь...» Тень человека исчезла, а через полминуты голос раздался с другой стороны колокольни. «Бьет полночь...» — четыре раза провозгласил человек. Лозанна спала, утонула в темное покрывало ночи.

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— А почему? — спросила я. — Ваша страна не воювала, ни один швейцарский город или селение не знает, что такое бомбежка или пушечный выстрел.

— Верно, — ответил хозяин дома. — Но не забывайте, что «холодная война» и страх перед «горячей» войной знакомы и нам. Вы знаете, что военные расходы составляют большую долю федерального бюджета? Вот куда идет налог, который растет из года в год.

Высокие налоги, как я убедилась, — это большое место швейцарцев. Народ понимает, что для защиты страны от всяких неожиданностей нужна национальная армия. Но поговорите с любым здравомыслящим жителем Лозанны, Цюриха, Женевы, и он скажет, что армия должна иметь нормальные размеры, человек не мог стоять в нем прямо. После нескольких часов заключения в этом ящике людей выбрасывали оттуда, как футбольные мячи, с парализованными на время мускулами.

Несмотря на то, что веде на огороженном участке, где помещалась тюрьма, имелись знаки, написанные на иностранном языке, ведущие допрос были в иностранной военной форме, а автоматны у охраны иностранного образца, жертвы этой винушной техники были пленными не за железным забором, а американскими летчиками, находившимися в плену в пустыне и кустарнике, пустыне долины Леммонс, недалеко от Рино в штате Невада. Они находились на базе ВВС в Стэд.

Никто из обучающихся здесь никогда не применял более изобретательных комбинаций физического и умственного давления, которое производится под наблюдением врачей и пяти психологов. Этот семидневный курс обучения на базе в Стэд проходит большинство экипажей атомных бомбардировщиков командования стратегических ВВС, многие пилоты реактивных истребителей и некоторые количество инструкторов из армии, военно-морского флота и морской пехоты, которые в своих частях будут проводить такое же обучение.

В течение тридцатичасового допроса ведущие его применяют небольшую генератор, который наносит безвредные (но часто пугающие) электрошоки «яму» глубиной в 10 футов, где люди находятся часами в темноте, погруженные по плечи в воду, плотный «гроб», в который кладут людей во весь рост на спящее гравием дно, настольно низкий, что

человек не мог стоять в нем прямо. После нескольких часов заключения в этом ящике людей выбрасывали оттуда, как футбольные мячи, с парализованными на время мускулами.

что не к чему раздувать гонку вооружений и что вообще надо как можно скорее всем странам договориться о сокращении вооружений. Движение это стало известным широким, что недавно даже известный швейцарский стрелок «Цестле» находящийся в кантоне Во, потребовал снижения налогов.

— Вы, наверное, слышали об «инициативе Шевалье»? — спросил нас Андре Мюра.

История этой инициативы очень интересна. В прошлом году в Швейцарии была создана массовая газета «Ле бон жур». Один из ее сотрудников, Шевалье, обратился со страниц этой газеты с призывом сократить военные расходы не позже 1956 года. Неожиданно для многих инициатива Шевалье нашла тогда горячий отклик у швейцарского народа, что очень скоро превратилась, как выразился Мюра, в «национальную проблему». Согласно конституции Швейцарии, предложение, получившее 50 тысяч голосов избирателей, приобретает характер «инициативы для проведения народного опроса». А между тем редакция газеты «Ле бон жур» и Шевалье уже получили свыше 80 тысяч подписей жителей Швейцарии, пользующихся правом голоса.

«Инициатива Шевалье» был дан ход. Федеральным совет Швейцарии официально рекомендовали комиссии парламенту принять предложения Шевалье в качестве документа для проведения референдума. А дальше события развернулись так. «Инициатива Шевалье» вызвала переполох и беспокойство в некоторых кругах Швейцарии, и были приняты все меры, чтобы помешать проведению голосования. Для этого нужен был «формальный» предлог. И он был выискан. Крючкотворы нашли «неподходящий» в предложении Шевалье: неизвестно, где именно он употребил употребительных в Швейцарии, составлен оригинал — на французском, немецком или итальянском. Под этим предлогом «инициатива Шевалье» была формально отклонена.

Однако движение швейцарского народа за сокращение вооружений не только не прекращается, но и растет. В Лозанне уже собрано более 20 тысяч подписей под Венским обращением Всемирного Совета Мира, требующим запрещения атомного оружия. В рабочих кварталах города подписи поставило почти все взрослое население.

«Политика силы», — говорит нам Фернанд Петит, — не может найти поддержку в Швейцарии. Наоборот, она отталкивает население нашей страны. Чего хочет Швейцария, — так это неуклонно проведения нейтралитета. Наш народ любит свободу и независимость. Мы верим в политику нейтралитета, в ней — наша гордость и сила. Конечно, мы не так глупы, чтобы думать, будто от этой атомной бомбы нас может спасти Монблан... Поэтому наш народ выступает за дальнейший разрыв международной напряженности, за всеобщее разоружение и создание системы коллективной безопасности не только Европы, но и стран Азии и Америки.

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

«Еще темнее и тише стало на улицах Лозанны. Стрелки часов на кафедральном соборе сошли на двенадцати. И в этот момент колокольный собор осветился мягким, таинственным светом, там мелкими силуэтами человека, и над спиной Лозанны раздался ясный, протяжный голос: «Бьет полночь...» Тень человека исчезла, а через полминуты голос раздался с другой стороны колокольни. «Бьет полночь...» — четыре раза провозгласил человек. Лозанна спала, утонула в темное покрывало ночи.

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

— И знаете, — подхватывает Андре Мюра, — мы очень гордимся тем, что нейтралитет Швейцарии служит сейчас примером для некоторых других стран. Это наша национальная гордость. И, конечно, — Женевы! О, Женевы — это тоже гордость! Правда, для нас, швейцарцев, это и честь: ведь Женевы — надежда и гордость всех, кто искренне стремится к миру. А это значит — все человечество!

В лучших французских фильмах, прошедших перед глазами советского зрителя, совместно надувается общая тема поисков человеческого в человеке.

Да, жизнь простого человека в мире денег сложна и тяжела. Она сгибает людей, коверкает их души, стирает улыбку с лица. Но все-таки, все-таки сквозит черствость и недовере, сквозит озлобленность и холодное равнодушие против прорывающейся подлинное, красивое, горячее чувство, преображает, поднимает человека... И тогда срываются десятки автомашин, и самые занятые скелетки и шинки Парижа — шоферы такси несомненно ищут девушку, ушедшую по адресу, который неизвестен. И тогда ворчливый педант «спасает» ходит всю ночь по комнате, чувствуя себя виноватым перед сыном. И тогда маленькая полугодовалая продавщица из большого универмага, украдкой смахнув слезы, самоотверженно утешает своего возлюбленного Антуана, потерявшего лотерейный билет со сказочным выигрышем.

Вера в человека, в его высокое призвание, в его добрую природу, прочно заложенная великими французскими мыслителями и художниками, и боль, горечь от того, что так преступно искажается, наслушается все лучшее в нем, — эти два мотива проходят рядом через многие французские фильмы, сплетаются в драматические коллизии. Традиционным контрастом сходятся они в картинах «Ветельны».

Ночь. Вагон на крупной немецкой станции. Трое французских семнадцатилетних бежавших из концлагерей «хотельно» передают друг другу руки, освобождая для себя на дне вагона потайное убежище... Смена кадра — и расчет немецкого зенитного орудия успешно перебарывает снаряды, ведя ожесточенный огонь. И снова ящики, тяжело перелетающие из рук в руки: одинаковые движения, жесты, та же лихорадочная ролевость, и только лица совсем разные, умоляющие, полные боли и надежды, — и зверские, ожесточенные, утратившие все человеческое. Так трагически резко обнажает вся уродливость, вся преступность превращения человека в убийцу, органическая жестокость его разрушения и смерти. В фильме нет громких обличительных фраз против войны; нет и трескучих речей, но о необходимости мира, о мире, как естественном условии жизни человека, он говорит непререкаемо просто и убедительно.

По-своему разворачивается эта тема поисков человеческого в «Плате за страх».

Вокруг этого фильма разгорается большие споры. Он вызывает безоговорочное восхищение и столь же категорическую неприязнь. Его противники острят: «Это не плата за страх, а страх за плату». В каламбуре этом, быть может, не очень смешном, схвачен главный пункт разногласия. Можно ли, нужно ли в искусстве так жестоко, так бесчеловечно показывать человеческое страдание? Нужно ли, чтобы каждый зритель видел в фильме «Плате за страх» в изданных испытаниях страхом? Фильм предупреждает в натурализме, наркая этим не слишком точным определением безжалостности, жестокою силу режиссерского почерка Анри Жоржа Клузо. Но прежде чем вметаться в этот спор, хотелось бы начать с другого, элементарного. Фильм идет три часа. Из них два по крайней мере посвящено поездке машин, груженных нитроглицерином. И ни разу в продолжение этих двух часов не ослабевает зрительское внимание. В чем же дело? Что так потрясает зрителя в этом фильме?

Режиссерское мастерство? Игра актеров? Несомненно.

Но ведь само по себе мастерство в искусстве не существует. Оно позволяет лишь выразить мысль, эмоцию художника. Что же тогда «притягивает» зрителя? Страх? Да, конечно. Сознание того, что машины могут ежесекундно взорваться, что жизнь героя висит на волоске, создает напряжение. Но все, должно быть, помнят опасные номера в цирке, — одно мгновение, испуганный вздох зала и... аполлоидности. Номер закончен. Опытные мастера цирка знают, что страх зрителя может продолжаться секунду, минуту, а дальше — усталость, внутренний протест. В фильме эмоциональный накал не спадает до последних кадров.

И здесь мы подходим к самому главному. Страх и боль, испытываемые зрителем, не бесцельны. Они рождены сочувствием к людям, которых мы успели запомнить и полюбить. В картине нет патологической, бессмысленной трепки нервов, есть глубокое, серьезное, осмысленное переживание. Секрет притягательности фильма его увлекающая сила — в суровом, крепком реализме, в бескомпромиссной правде характеров и, наконец, в высокой, большой мысли.

Постановщик с самого начала отмечает всякую приблизительность, условность, обстановку. Проклятое, забытое богом и людьми место, искупающий зной и лихорадка, скорпионы и голод, босые полные ноги и наглые от отчаяния лица. И над всем горю, как мрачный символ чужого алдычества, — скелет недостроенного небоскреба. Здесь встречаются герои фильма. Люди, обделенные судьбой, искавшие счастья и оказавшиеся в плену безнадежности. Нет работы, нет денег, остается только прозябать стуля в кабачке, закусывая время от времени бутылку воды, что не выгнал хозяин, и ждть, ждть ждть... Режиссер

и, наконец, перевел в лагерь смерти Маутхаузен. Страдания, выпавшие на долю старого, большого человека, не снились курсантам базы Стэд. Но в изможденном теле жила неукротимый богатый дух коммуниста и патриота. Карбышев не сдавался. Февральской ночью 1945 года разъяренные палачи вывели его, полудетого, во двор и поливали водой из брандспойта, пока он не превратился в ледяную статую. Подвиг его бесценен. Нужно ли говорить, что Карбышев, Зоя, Кожеева, сотни их сподвижников до войны не проходили никакого, практического «обучения стойкости в руках врага»!

Нет, не воспитание «иммунитета к пыткам», а воспитание у летного состава военно-воздушных сил США ненависти к СССР — такова действительная цель командира базы Стэд полковника Бартона Маккензи и его коллег. То, что происходит на базе, — это клевета на Советский Союз, но не словесная, а, если так можно выразиться, физическая. Хотят добиться, чтобы летчики при слове «коммунизм» рычали. Очевидно, одним из лекций оказалось мало и потребовались более действенные способы. Людей подвергают идеологической закалке грубейшими физическими методами.

На снимке, который мы приводим, читатель без труда узнает советский автомат. С этим оружием в руках советские

и, наконец, перевел в лагерь смерти Маутхаузен. Страдания, выпавшие на долю старого, большого человека, не снились курсантам базы Стэд. Но в изможденном теле жила неукротимый богатый дух коммуниста и патриота. Карбышев не сдавался. Февральской ночью 1945 года разъяренные палачи вывели его, полудетого, во двор и поливали водой из брандспойта, пока он не превратился в ледяную статую. Подвиг его бесценен. Нужно ли говорить, что Карбышев, Зоя, Кожеева, сотни их сподвижников до войны не проходили никакого, практического «обучения стойкости в руках врага»!

Нет, не воспитание «иммунитета к пыткам», а воспитание у летного состава военно-воздушных сил США ненависти к СССР — такова действительная цель командира базы Стэд полковника Бартона Маккензи и его коллег. То, что происходит на базе, — это клевета на Советский Союз, но не словесная, а, если так можно выразиться, физическая. Хотят добиться, чтобы летчики при слове «коммунизм» рычали. Очевидно, одним из лекций оказалось мало и потребовались более действенные способы. Людей подвергают идеологической закалке грубейшими физическими методами.

На снимке, который мы приводим, читатель без труда узнает советский автомат. С этим оружием в руках советские

ничего не говорит о безжалостности их положения, лишь одна деталь — солнечный свет, прохладный рез покатый тент, точно одевает их всех в подостатую арестантскую одежду, окружает частой тюремной решеткой. Она неощутима, эта ограда, но выбраться из-за нее без денег не легче, чем из-за настояшей. И поняв этот сумасшедший поступок людей, согласившихся вести нитроглицерин в непригодных машинах, рискующих жизнью за хорошую плату — надежду на освобождение.

Они очень различны, герои фильма. Грубовато-добродушный и яростный Луиджи (Фолько Люлли), всегда отчужденно спокойный Мимбо (Петр Ван Эйк), бесценный кривой Марио (Ив Монтан) и медлительно-ловкий гангстер Джо (Шарль Ванель). Все они держат испытание на твердость, мужество. Здесь, за рулем машины со смертельным грузом, стираются случайные черты, люди обнажаются откровенно и до конца... Именно это желание выявить сущность человека, раскрыть его в переломный момент жизни, нащупать самые глубокие основы его характера ощущается в работе режиссера, в потрясающих по своей правдивости образах четырех главных героев.

Люди не потеряли себя перед лицом опасности и остались людьми. Все лучшее, человеческое свободно и щедро вышло наружу. И кадры, повествующие о чистоте, нежной, тонкости героев фильма, о чувстве товарищества, пробуждаются в них, — пожалуй, самые лучшие в картине.

Какой мечтательной нежностью светятся глаза обычно грубоватого Луиджи, когда он говорит о своих планах на будущее: он покупает землю в Калабрии, и как беззаботно-важничая швыряет прыжок яблока в череп, нарисованный на придорожном щите, этот веселый, отважный человек.

Пусть капли холодного пота падают со лба, Мимбо — Петра Ван Эйка, пусть дрожат руки, переливающие нитроглицерин, он находит в себе силы, чтобы улыбнуться и показать руку Луиджи, приказывая ему уйти подальше от опасного места.

И вот Джо. Он казался смельчаком, когда в стычке с Луиджи предлагал ему свой пистолет. Но это не храбрость, он никогда не был храбрым. Он понимал, что Луиджи не выстрелит в безоружного. Этот спелулянт на лучших человеческих чувствах играл наиверняка. И как слезает с его неурядничности, показное мужество при встрече с настоящей опасностью! Живой мертвец — вот что остается от «храбреца» от «сверхчеловека». Понятна ярость разочарования, с какой обрушивается Марио — Ив Монтан на своего недавнего кумира. Но так же объясняет эту ярость мотивированная актером нежность и страстная забота, с какой уговаривает, утешает Марио умирающего Джо, просит его еще немного продержаться, вспоминает о Париже, говорит, говорить, стоить в широко открытых глазах, неотвратно вливающих в дорогу, слезы нечеловеческой усталости, тоски и одиночества.

Там, где раскрываются люди, проявляются их скрытые черты, понимаешь и принимаешь самые беспощадные, самые «трудные» сцены. Но, думается, есть у Клузо в режиссуре этого фильма некоторые изюминки, и сказать о них нужно.

Прежде всего это сцена в нефтяной луже. Когда всплывает черное от нефти лицо Джо с проваленной дырой вместо рта, уже не лицо — маска мертвеца, это отвратительно и, по существу, лежит за пределами искусства, ибо человека здесь уже нет, нет чувств его мысли.

И, наконец, главное — финал картины. Да, он сделан талантливо, сильно. Не забудешь этот точно падающий вниз огромный грузовой, превращающийся в груд обломков, раздробленное, окровавленное тело Марио, — и последний кадр — рука, зажавшая в предсмертной агонии маленький кусочек картона, билет парижского метро: в нем сохранился для Марио воспоминания и мечты о свободной, настоящей жизни. Да, этот финал как будто бы даже идеально обоснован. Голос диктора объясняет закономерность катастрофы. В мире, где главное — погоня за долларом, Марио утерял себя, утратил контроль над своими чувствами и поведением. Здесь есть как будто нечто своеобразное, трансформированная тема Мартина Идена. Тема бессмысленности полнота, титанических усилий, обреченных на крах в буржуазном мире. Но конкретное решение этой темы неадекватно. Даже больше — жестоко несправедливо. И не случайно такой тонкий мастер, как Клузо, не смог его оправдать чисто кинематографически, вынужден был прибегнуть к авторскому комментарию. Смерть Марио — нелепая, обидная случайность, неожиданная для героя так же, как и для зрителя. Она обесценивает подвиг Марио, закрывает выход из страха.

Думается, что финальная сцена, так же как эпизод в нефти, это лишь частные неудачи художественного решения, и они лежат вне идейной концепции фильма, утверждающего силу и красоту подвига. Иначе пришлось бы увидеть какой-то очень грустный, безнадёжный символ человеческого счастья в первом кадре фильма: несколько жуков, связанных веревочкой, незлая друг на друга, топчась, пытаются и не могут разорвать связывающие их нити.

Ю. ХАНЮТИН

и, наконец, перевел в лагерь смерти Маутхаузен. Страдания, выпавшие на долю старого, большого человека, не снились курсантам базы Стэд. Но в изможденном теле жила неукротимый богатый дух коммуниста и патриота. Карбышев не сдавался. Февральской ночью 1945 года разъяренные палачи вывели его, полудетого, во двор и поливали водой из брандспойта, пока он не превратился в ледяную статую. Подвиг его бесценен. Нужно ли говорить, что Карбышев, Зоя, Кожеева, сотни их сподвижников до войны не проходили никакого, практического «обучения стойкости в руках врага»!

Нет, не воспитание «иммунитета к пыткам», а воспитание у летного состава военно-воздушных сил США ненависти к СССР — такова действительная цель командира базы Стэд полковника Бартона Маккензи и его коллег. То, что происходит на базе, — это клевета на Советский Союз, но не словесная, а, если так можно выразиться, физическая. Хотят добиться, чтобы летчики при слове «коммунизм» рычали. Очевидно, одним из лекций оказалось мало и потребовались более действенные способы. Людей подвергают идеологической закалке грубейшими физическими методами.

На снимке, который мы приводим, читатель без труда узнает советский автомат. С этим оружием в руках советские

и, наконец, перевел в лагерь смерти Маутхаузен. Страдания, выпавшие на долю старого, большого человека, не снились курсантам базы Стэд. Но в изможденном теле жила неукротимый богатый дух коммуниста и патриота. Карбышев не сдавался. Февральской ночью 1945 года разъяренные палачи вывели его, полудетого, во двор и поливали водой из брандспойта, пока он не превратился в ледяную статую. Подвиг его бесценен. Нужно ли говорить, что Карбышев, Зоя, Кожеева, сотни их сподвижников до войны не проходили никакого, практического «обучения стойкости в руках врага»!

Нет, не воспитание «иммунитета к пыткам», а воспитание у летного состава военно-воздушных сил США ненависти к СССР — такова действительная цель командира базы